

Актерские пробы

“Этот фильм сделает Энди суперзвездой”, — говорил Холт Эшби накануне премьеры своего нового фильма “Восемь миллионов способов умереть”. “Энди станет великим, по-настоящему великим”, — вторил ему Фрэнсис Форд Coppola накануне выхода в прокат третьей части “Крестного отца”.

“После того, как люди увидят Энди в “Герое”, они поймут, что он может сыграть все!”, — восторгалась его партнерша по фильму Джина Дэвис.

Но ни “Восемь миллионов способов умереть”, ни “Крестный отец 3”, ни “Герой” не сделали Энди Гарсию ни суперзвездой, ни “по-настоящему великим”. Возможно, дело в том, что он просто не хочет становиться ни тем, ни другим. Накануне выхода в прокат нового фильма с участием Гарсии “Красть помногу/Красть помалу” (Steal Big/Steal Little, режиссер Эндрю Дэвис) корреспондент американского журнала MovieLine Марта Франкел встретила с актером, чья нелюбовь к американской студийной системе кинопроизводства в голливудской тусовке стала притчей во языцех.

— Эндрю Дэвис уверяет, что теперь, после его фильма вы наконец-то станете настоящей звездой.

— ...
— На прошлой неделе мне довелось посмотреть все ваши фильмы в обратном порядке. С каждой лентой ваши герои становились моложе и чокнутее.

— В начале карьеры мне предлагали роли всех мерзавцев, негодяев и подонков. Еще бы, ведь я кубинец. А после “Восьми миллионов способов...” студийные чиновники не желали видеть в ролях наркобоосов никого, кроме меня.

— Вас это обижало?

— Скорее, злило. Но в конечном счете мне удалось поработать с большими режиссерами в больших фильмах. Все остальное чепуха, мишура. Я помню, как кто-то из журналистов пришел на съемочную площадку и сказал — если вы сейчас дадите интервью, декабрьская обложка — ваша. Но, черт побери, почему они решили, что я мечтаю красоваться на их обложке? Будь это в моей власти, я вообще бы предпочел не появляться на обложках. Конечно, мне приходилось это делать, потому что студии нужна реклама фильма, но сейчас я соглашаюсь позировать для обложки не чаще раза в год. Вы представляете себе, что это такое — выходишь из самолета, проходишь в здание аэропорта и первое лицо, которое видишь — твоё собственное на прилавке киоска!

— Не знаю, моей физиономии на обложках не печатают. По-моему, это должно быть забавно.

— Вы так говорите, потому что вы женщина. Женщины воспринимают это иначе.

— Большинство ваших фильмов были чисто мужскими. Вы обычно играете либо полицейского, либо бандита. Если в ваших фильмах появлялись женщины, то только в качестве вспомогательного персонажа. Поэтому драма “Когда мужчина любит женщину” стала для многих неожиданностью. Почему вы решили сняться в фильме, посвященном проблеме женского алкоголизма?

— Мне безумно понравилась концепция фильма. Он не дает рецептов, в нем нет дежурного решения проблемы. Здесь, в Голливуде, фильм, ставящий вопрос, должен обязательно дать ответ. А в нашем фильме есть только сам процесс. Знаете, наш фильм приняли женщины, но его не хотели смотреть мужчины. Потом я получал письма от зрителей, которые писали, что перестали пить после нашего фильма. Мне это было приятно.

— Значит, вы поборник правильного образа жизни?

— Просто стараюсь заботиться о своем здоровье и другим рекомендую.

— Скажите, в фильме “Снова мертв” ваш персонаж после операции курит сигарету через трубочку, выведенную наружу из его грудной клетки. По-моему, это было самое гадкое зрелище в мировом кино. Вы это сделали нарочно, чтобы люди бросали курить?

— Зря смеетесь. Я очень тщательно готовился к этому эпизоду, консультировался с врачами и пациентами, и когда показал свой набросок режиссеру, он даже удивился. И я действительно встречал после этого фильма людей, которые говорили мне, что, посмотрев эту сцену, бросили курить.

— В Голливуде вас называют человеком пуритански морали, предельно политически корректным гражда-

нином, большим противником эротики на экране.

— Я не считаю себя пуританином, но мне кажется, что происходящее на экране сегодня — просто визуальная порнография. Я так не могу. Вы никогда не увидите меня в фильме, который не оставляет места воображению.

— Если отбросить витиеватые выражения, значит ли это, что вы никогда не разденетесь на экране?

— Да. Такой уж я парень.

— В “Дженнифер 8” в какой-то момент возникает ощущение, что между вами и Умой Турман должна быть любовная сцена...

— Они изъяли из “Дженнифера 8” ровно двадцать минут. А заодно и душу фильма. Они исключили три из четырех сцен между мной и Джоном Малковичем — сцены допроса. В фильме была борьба героя с преследующими его демонами — страхом, виной за чужие смерти, алкоголизмом. Они изъяли сцену, когда меня приходят арестовывать, пьяного, без штанов, агрессивного...

— Минутку, так значит, вы все-таки обнажились на экране? И эти тупицы лишили мир возможности узреть Энди Гарсию в наряде Адама?

— Мм... У меня там спущены штаны. Рубашка... я в рубашке, но она до пояса расстегнута. Мой герой находится в таком плачевном состоянии из-за глупости партнера. Поэтому когда в следующей сцене мы видим его на допросе подтянутым, выбритым и спокойным, то знаем, что это ложь, фальшь. Вернее, не знаем, потому что предыдущую сцену вырезали и допрос выглядит совер-

Энди Гарсия:

Как насчет четвертого “Крестного отца”?

Марта ФРАНКЕЛ

шенно иначе с эмоциональной точки зрения. То, что мы снимали, и то, что получилось — два совершенно разных фильма. И вы совершенно правы, назвав студийных чиновников тупицами. Не потому что они не дали вам возможности посмотреть на мой зад, а потому что они лишили зрителей шанса понять и полюбить героев. Как можно переживать за кого-то, если тебе на него плевать? Но им нужно было сократить фильм, потому что кому-то он казался слишком длинным. И теперь вместо 2 часов 20 минут он идет ровно два часа. Из драмы он стал триллером. Может быть, в этом качестве он собрал больше денег в прокате, но мне было очень больно. И всем остальным — тоже.

— Ваши родители бежали с Кубы в Америку, когда вам исполнилось пять лет. Вы говорили по-английски, когда приехали в Майами?

— Нет. Моя мать была преподавательницей английского языка, отец — юристом, они собирались начать учить нас с братом языкам, но позже. Впрочем, мы быстро освоились. Помню, сначала меня удивляло, что все эти маленькие американские мальчишки так здорово говорят на иностранном языке! Отец до сих пор рассказывает историю, как однажды мама услышала наши вопли с улицы и попросила отца разобратся. Он вышел, послушал, посмотрел, вернулся в дом и сообщил ей — все в порядке, дорогая, они уже дерутся на английском языке!

— Вы были счастливы приехать в Америку или воспринимали это как изгнание?

— У меня было замечательное детство. Я согласился бы променять его только на детство на Кубе. Но не на Кубе Фиделя Кастро. И не на той Кубе, что была при Батисте. Хочется надеяться, что возможна новая, демократическая Куба.

— Ваша жена Мариву приехала в Америку с Кубы примерно в том же возрасте, что и вы. Вы женаты уже пятнадцать лет. Так?

— Так. А в чем дело?

— На каком языке вы говорите между собой дома?

— Мм. На испанском. На английском. С детьми я говорю по-испански, но они предпочитают английский. А с женой... забавно, я никогда об этом не задумывался. Какие-то темы мы обсуждаем по-английски, какие-то — по-испански. Мне трудно провести границу.

— Вернемся к вашей кинокарьере. В начале года сообщалось, что вы снимаетесь с Мишель Пфайффер в

“Опасных умах”. Потом поползли слухи, что вашу роль вырезали.

— Я не знаю.

— То есть как?

— Мы сняли несколько сцен. Я сделал это просто из дружеских побуждений. Мишель попросила меня прийти и попробовать поимпровизировать, ввести в историю любовную линию. В сценарии ничего не было. Ну, мы попробовали снять несколько эпизодов. Мишель и я танцевали, разговаривали, нас снимали. Это скорее было похоже на кинопробу. А потом они решили не вводить в фильм любовный элемент. Мишель говорила мне, что она пыталась настоять на развитии этой линии, но в конечном итоге было решено, что “Опасные умы” расскажут только о взаимоотношениях Мишель и ее учеников. И я не переживал по этому поводу. Для меня важен сам процесс. Мне было очень приятно на съемочной площадке, я рад, что общался с Мишель. Все.

— В вашем новом фильме “Красть помногу/Красть помалу” вы играете братьев-близнецов. По Голливуду ходят слухи, что у вас был брат-близнец, который умер вскоре после рождения.

— Ну, эти слухи очень преувеличены. Я родился с кистой на правом плече, и мама, которая обожает мелодраматизировать события, любила повторять, что это был брат-близнец, который не смог развиваться в полноценного человека. Она даже уверяла, что у него были ручки и ножки. В детстве я почему-то представлял себе, что если бы он развился, то так и остался бы приросшим к моему телу, и мы были бы как симские близнецы. Или что у меня была бы еще одна голова на плече. Но потом

папа меня успокоил. Он сказал, что это совершенно невозможно, что киста была очень маленькая и ее просто отрезали.

— О’кей, вернемся к фильму. Итак, это история братьев-близнецов...

— Да, они растут вместе на ферме, но один из них становится агентом по торговле землей, жадным, корыстным парнем, а второй хочет работать на земле и растить авокадо.

— Вы, конечно, идентифицируете себя с тем парнем, который выращивает авокадо.

— Вне всякого сомнения. Вы зря иронизируете. В пересказе звучит плоско, но, уверяю вас, это замечательная притча о важности семьи, умения делиться с соседом, о том, как жадность подавляет в человеке все хорошее... Ну вот, вы опять смеетесь.

— Не буду. Извините, пожалуйста. Расскажите, каково вам было работать с режиссером. Ведь до сих пор Эндрю Дэвис снимал в основном боевики. Что он собой представляет на съемочной площадке, где нет ни взрывов, ни драк?

— Это был самый восхитительный фильм с точки зрения лицедейства. Помните, как говаривал Алан Аркин, — нельзя разрешать людям получать столько удовольствия на работе! Это первый фильм Эндрю после “Беглеца”, и он решил нам импровизировать в наше удовольствие. Там очень запутанная история, братья меняются местами и... в общем, сплошные ошибки и недоразумения. Моя старшая дочь Доминик играет в фильме дочь одного из братьев.

— А раньше она снималась?

— Нет, это ее первая роль. Ей 12 лет, она играла в школьных спектаклях и даже за ним а -

лась в школе актерского мастерства.

— Значит, у нее это серьезно?

— Право, не знаю. Эндрю увидел ее и спросил, не хотела бы она сняться, и она сказала — да, конечно! По-моему, она замечательно сыграла.

— А вы не боитесь за нее? Ведь шоу-бизнес — не самое безопасное занятие для девочки ее возраста.

— Ну, во-первых, она пока еще не в шоу-бизнесе. Она всего-навсего снялась в одном фильме. А во-вторых, имею ли я право решать за нее? Может ли вообще отец диктовать дочери, что ей делать? Она не глупа, и потом, это же ее жизнь, а не моя. Кстати, другие мои дочери тоже снялись в фильме, правда, у них были роли без слов.

— Откройте одну тайну. Вы всегда элегантно одеты, но никто не знает имени вашего портного.

— Я не одеваюсь у портных. Просто ношу ту одежду, в которой снимаюсь. Вот этот костюм, который сейчас на мне — из “Дженнифера 8”. Я сам придумал фасон. Нарисовал костюмеру, что именно мне хотелось бы носить в этом фильме. Актеру трудно обжиться на новой съемочной площадке, и костюм играет немаловажную роль. Мне хотелось, чтобы при желании этот пиджак можно было застегнуть до горла, на все пуговицы, чтобы в нужный момент сменить стиль, чтобы герой вдруг стал бы выглядеть почти по-военному. И мы с костюмером сделали такой костюм, а потом он остался в моем гардеробе. И прекрасно служит мне вот уже три года.

— Последний вопрос, который волнует всех любителей кино. Что слышно насчет четвертой серии “Крестного отца”. Ведь по идее в ней главным героем должны быть вы?

— Теоретически

— да. Но все зависит от того, как Coppola выстроит хронологию событий. Не исключено, что он пойдет вспять, в 20-е — 30-е годы. Я слышал много сплетен — на-

ЛОС-АНДЖЕЛЕС.